
Обзоры и рецензии

НОВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ СОЗНАНИЯ: ПОДХОД М. ГРАЦИАНО

Г.В. АКОПОВ^а

^а Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Россия, Самара,
ул. М. Горького, д. 65/67

New Explanation of Consciousness: The Approach of M. Graziano

G.V. Akopov^a

^a Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 M. Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation

Резюме

В обзоре представлена теория М. Грациано, изложенная в книге «Сознание и социальный мозг». Определены ее новизна и существенные особенности концептуальной идентификации сознания. Осуществлено сопоставление основных положений «теории схемы внимания» с рядом других концепций сознания. Авторская композиция оснований теории достаточно представительна и охватывает нейронаучные, когнитивные, клинические, психологические и иные данные науки. Базовым понятием в оформлении теории Грациано является «внимание» в нейронаучной трактовке. Автор усматривает восемь существенных моментов сходства внимания и сознания: целенаправленность (интенциональность) сознания как эквивалент направленности, т.е. сфокусированности внимания; единая субстанция или источник сознания (Я как функция мозга) и внимания (селективная функция мозга); избирательность в проявлениях как сознания, так и внимания;

Abstract

The article reviews the theory by M. Graziano, presented in his book “Consciousness” and the “Social Brain2. Its novelty and essential features of the conceptual identification of consciousness are determined. Comparison of the main provisions of the attention schema theory with a number of other concepts of consciousness is carried out. The author's composition of the foundations of the theory is quite representative and covers neuroscientific, cognitive, clinical, psychological and other scientific data. The basic concept in Graziano's theory is "attention" in its neuroscientific interpretation. The author sees eight essential points of similarity between attention and consciousness: purposefulness (intentionality) of consciousness as an equivalent of directionality, that is, focusing attention; a single substance or source of consciousness ("I" as a brain function) and attention (selective function of the brain); selectivity in the manifestations of both consciousness and attention;

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00816.

The reported study was funded by the RFBR according to the research project N 19-013-00816.

градуированность, т.е. отчетливая дифференциация: центр — периферия в работе сознания и внимания; равная связь сознания и внимания с процессами памяти, перцепции, аффекта, мышления и др.; равная связь с действием и поведением; равная «глубина погружения» в информационное пространство; невозможность сознания без внимания. Отличие такой идентификации сознания от ранее предлагавшихся в классической и в современной когнитивной психологии сознания состоит в новом структурном оформлении внимания, что позволяет автору усмотреть ряд преимуществ своей теории в сравнении с другими информационными и социальными теориями сознания. Это, в частности, перспектива преодоления известного со времен Декарта дуализма, получившего наименование трудной проблемы в современной науке о сознании, а также обоснованная автором реципрокность индивидуального и социально-перцептивного сознания. Категории информации и репрезентации в равной мере важны для авторских положений о соответствующих процессах моделирования и оформления сознания, однако функции репрезентации не вполне ясно обозначены. Новая концепция сознания обогащает пространство современных исследований сознания — одной из самых сложных проблем современной науки.

Ключевые слова: теория сознания, схема внимания, социальный мозг, самосознание, социально-перцептивное сознание.

Акопов Гарник Владимирович — заведующий кафедрой, кафедра общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: психология сознания, созерцание, коммуникация, социальная психология.

Контакты: akopovgv@gmail.com

graduation, i.e. distinct differentiation: center-periphery in the work of consciousness and attention; equal connection of consciousness and attention with the processes of memory, perception, affect, thinking, etc.; equal connection with action and behavior; equal "immersion depth" in the information space; impossibility of consciousness without attention. The difference between this identification of consciousness and those previously proposed in classical and modern cognitive psychology of consciousness consists in a new structural design of attention, which allows the author to see a number of advantages of his theory in comparison with other informational and social theories of consciousness. This, in particular, is the prospect of overcoming the dualism known since the time of Descartes, which has been named a "hard problem" in the modern science of consciousness, as well as the reciprocity of individual and socio-perceptual consciousness substantiated by the author. The categories of information and representation are equally important for the author's provisions on the corresponding processes of modeling and shaping consciousness, but the functions of representation are not clearly defined. The new concept of consciousness enriches the contemporary studies of consciousness, tackling one of the most difficult problems of the contemporary science.

Keywords: theory of consciousness, attention schema, social brain, self-awareness, social-perceptual consciousness

Garnik V. Akopov — Head of the Department, Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education, DSc in Psychology, Professor.

Research Area: psychology of consciousness, contemplation, communication, social psychology.

E-mail: akopovgv@gmail.com

Тема сознания неизменно актуализируется на каждом новом технологическом и социокультурном переходе к качественно иному состоянию общества и соответствующему образу жизни человека. Стремительный всплеск интереса к проблеме сознания в конце XX в. связан с появлением таких новых областей знания, как нейронаука, когнитивная наука, наука о сознании. Определелись новые проекты решения одного из самых трудных вопросов проблемы сознания — вопроса взаимосвязи, взаимообусловленности ментального и телесного, психического и физического, объяснения возникновения сознания как идеального явления из физической реальности (Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; Honderich, 2014; Петровский, 2018; и др.). В любой из предлагаемых исследователями сегодня теорий сознания в качестве ключевого рассматривается именно этот вопрос.

Для систематизации необозримого числа зарубежных и отечественных работ по проблеме сознания нами был предложен типологический подход (Акопов, 2016), позволивший, в частности, определить главные отличия в постановках и решении проблемы сознания в отечественных и англоязычных философских и научных работах. Существенным отличием является явная или имплицитная установка исследователей в ориентациях на нейрокогнитивное либо социокогнитивное решение вопроса происхождения и детерминации сознания (Акопов, 2010, 2019).

В связи с тем, что в англоязычной литературе о социальной ориентации речь идет весьма редко либо она отнесена к «легкой» части проблемы (Чалмерс, 2013), наше внимание привлекла работа профессора нейронауки и психологии Принстонского университета М. Грациано под названием «Сознание и социальный мозг» (Graziano, 2015). Как отмечает в отзыве на эту книгу известный исследователь в области сознания Патриция Чурчланд концепция Грациано, в отличие от многих теорий, научно и логически хорошо выстроена и основана на достижениях анатомии и физиологии мозга, на большом количестве психологических и клинических данных, а также «искусно и продуктивно связана с другими подходами» (Ibid.).

Основой для теории сознания Грациано называет многообразные данные нейронауки, в том числе результаты своих исследований зрения, слуха, тактильной чувствительности, представленные информационными процессами в лимбической системе, в наибольшей степени — те, которые так или иначе связаны с вниманием в его нейрофизиологических коррелятах, а также в психологическом и социальном проявлениях. На протяжении всей книги используются речевые обороты, атрибутирующие проявления сознания, главным образом вследствие мозговой активности, например: «Мозг использует данные для создания схематической модели объектов и событий окружающего мира»; «Мозг продуцирует сознание» (Ibid., p. 8–10). Элиминация социальных факторов возникновения и развития сознания человека — характерная черта большинства исследований по проблеме сознания в англоязычной научной литературе. Исключением, насколько нам известно, является коллективная монография под редакцией Чарльза Уайтхеда (Whitehead, 2008), обзор которой опубликован недавно нами в материалах Ярославской конференции (Акопов, 2021).

Традиционно для науки работа начинается с уточнения понятия «сознание». Автор отмечает «терминологическую путаницу» относительно *consciousness* и *awareness* у разных исследователей и устанавливает свой критерий дифференциации от общего (*consciousness*) к частному (*awareness*). Термины *aware(ness)* и *conscious(ness)* несколько отличаются по значениям. Не вдаваясь в тонкости толкования, отметим основные отличия: *aware* — сознающий, знающий, осведомленный; *conscious* — сознающий, ощущающий, сознательный, здравый, находящийся в сознании, понимающий (Мюллер и др., 1995). Авторы исследований по проблеме сознания, к сожалению, не всегда фиксируют понятийные значения этих терминов и зачастую используют их как синонимы. Грациано изначально определяет их трактовку, фиксируя понятийные значения, иллюстрируемые диаграммой, в которой *consciousness* включает информацию, в отношении которой имеет место *aware*, т.е. осведомленность или знание о знании, а также *awareness*, которое в русскоязычном варианте можно трактовать как осознание. В последующем тексте и во всей книге Грациано, как правило, использует это понятие (*awareness*), а также его знаниевую основу (*aware*), когда это необходимо. В тексте настоящей статьи, когда нет противопоставлений, мы используем термин «сознание» как включающий процесс и состояние осознания, что соответствует логике Грациано.

Таким образом, авансируя свою теорию сознания, ключевым моментом которой является «схема внимания», Грациано в качестве содержательной характеристики сознания рассматривает информацию (Graziano, 2015, p. 15, 79, 131).

Информационный подход получил широкое распространение в современной науке о сознании. Следует отметить, что первая информационная теория сознания была представлена философом Д.И. Дубровским в 1994 г. (Дубровский, 2015). Грациано провел сопоставление своей теории с информационной теорией сознания (Tononi, 2007) и показал, что интегрированная информация не является достаточным условием возникновения сознания (Graziano, 2015, p. 140–146).

Определяя внимание в «техническом, нейронаучном смысле», автор устанавливает затем восемь позиций сходства между вниманием и сознанием. Рассмотрим их последовательно для уточнения позиции Грациано. Прежде всего сходство между вниманием и сознанием определяется целенаправленностью того и другого, очевидно, в случаях сфокусированности внимания на чем-либо и соответствующей направленности сознания, т.е. его интенциональности (одно из общепризнанных в англоязычных исследованиях толкований сознания). Следующий момент сходства — исходная инстанция или субъект (*agent*) как источник активности; согласно Грациано, для внимания — это мозг, для сознания — Я. Возможно, что для русскоязычного читателя такое сходство не представляется очевидным, однако в логике Грациано, утверждающего, что мозг конструирует сознание, которое включает в себя и самосознание, в том числе и Я, — это естественно. Третий момент сходства связан с избирательностью как внимания, так и сознания, фокусирующихся, как правило, строго на определенных частях информации, презентующей ощущения, восприятие и т.д. Еще один момент сходства — «градуированность»

внимания и сознания, означающая, помимо возможностей центрации обоих явлений на чем-то одном, также возможность доступа к периферийным объектам. Сходными являются также действия (процессы) внимания и сознания, так как одни и те же обработанные мозгом сигналы, по утверждению Грациано, могут поступать в любую из сенсорных модальностей к сферам мышления, эмоций, памяти, планирования движений. Шестое в списке Грациано сходство связано с действием и поведением: мозг, обрабатывая нервные сигналы, оказывает большее влияние на поведение, когда он сфокусирован на чем-то, в противном случае влияние на поведение незначительно как для внимания, так и для сознания. Следующее сходство Грациано связывает с глубиной (интенсивностью) соответствующих процессов: внимание, когда оно осуществляет извлечение определенной информации из информационного пространства; сознание, когда оно умственно «схватывает», погружаясь в состояние познания чего-либо. Последнее сходство выражено Грациано обобщенной сентенцией о том, что «сознание — это почти всегда путь внимания». В любой момент времени искомая для внимания информация обычно соответствует информации, которая вместе с тем достигает осознания. В некоторых ситуациях внимание и сознание могут различаться. Грациано ссылается на ряд работ, в которых рассматриваются: различия соответствующих мозговых процессов; специфика визуального внимания и сознания; пространственное внимание и сознание так называемого слепого видения и др. Несовпадения внимания и сознания, как полагает Грациано, достаточно редки. В широком плане, утверждает автор, «сознание — достаточно точный, но неполный индикатор внимания».

Автор выдвигает тезис о взаимообусловленности сознания и внимания, полагая, что «сознавать что-либо» и выражать внимание к этому — проявления «взаимной обратной связи» (Graziano, 2015, p. 36). Тезис основан на авторских суждениях об информационной, а также репрезентативной функциях как сознания, так и внимания. Этот не вполне разъясняемый автором тезис, по-видимому, основан на сложившемся в пространстве англоязычных исследований сознания контексте равной приемлемости множества разнообразных подходов, основополагающих категорий и концепций сознания. Поскольку имеет место оппозиционность тех или иных теорий, подвергаемых критике одними авторами и принимаемых другими, нет полного отвержения выдвигаемых теорий, логично выстроенных на основе тех или иных постулатов. В этом контексте категории «информация», «репрезентация» являются общепринятыми в объяснениях сознания. Такая ситуация была обозначена В.Ф. Петренко как многомерность сознания (Петренко, 2010), допускающая множество взаимодополняющих подходов к решению проблемы сознания. В отечественной психологии в настоящее время также представлены разные подходы и теории сознания (Аллахвердов, 2000; Карпов, 2011; Панов, 2014; и др.).

Внимание как основополагающее понятие в теории Грациано рассматривается в тесной «связке» с уже проработанными в других теориях сознания понятиями «информация» (Mindt, 2019) и «репрезентация» (Dienes, Perner, 2009; Hellie, 2009).

Сознание рассматривается как «дескрипция, репрезентация, подготавливаемая в головном мозге». Но то, что репрезентируется, невозможно без внимания, посредством которого осуществляется также процесс «умножения репрезентаций в мозге» (Graziano, 2015, р. 36). Автор метафорически определяет такую связь внимания и сознания термином «петля», а также иллюстрирует примером двух зеркал, расположенных друг против друга. Устанавливая различия между вниманием и сознанием, Грациано рассматривает внимание как активный процесс оформления и поддержания информационной совокупности посредством соответствующей активности мозга, а сознание как комплекс дескриптивной информации с возможностью рефлексии текущего состояния внимания (Ibid., р. 36, 131). Определенное таким образом тождество и отличие сознания и внимания, с учетом выше обозначенной «петли», позволяет Грациано рассматривать внимание, включающее в себя такие идентифицирующие его характеристики, как направленность и сосредоточенность (концентрированность), особенности объектов, выделяемых вниманием, сформированный ранее опыт внимания, а также соответствующие психомоторные комплексы (лицевая экспрессия, телесная мобилизация), в качестве «производителя» сознания, а сознание как продолжение внимания посредством репрезентации (дескрипции) охваченного вниманием информационного содержания, а также посредством перераспределения активности перечисленных выше характеристик внимания. Последние в работе названы схемой внимания (Ibid., р. 31, 131). Таким образом, полностью или частично преодолевается хорошо известная исследователям сознания трудная проблема сознания (Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; и др.), т.е. «загадка перехода от физических процессов к ментальному (психологическому) явлению». В эту цепь включается внимание, схема которого, согласно автору, содержит материализованные действия: мозг (материальный объект) производит внимание, внимание производит сознание (знание, т.е. идеальный объект) (Ibid., р. 51).

Схема внимания составлена Грациано по аналогии со схемой тела, предложенной в 1911 г. (авторы — Х. Хед, Дж. Холмс) и широко используемой в психологии и нейронауке с конца 1990-х гг. Интерес к схеме тела значительно возрос в результате изучения иллюзий, связанных со схемой тела, в частности, это иллюзия Пиноккио и иллюзия резиновой руки. Таким образом, показана специфика телесного сознания в ситуации конфликтного восприятия, связанная с предварительным знанием о своем теле и текущим восприятием, обусловленным спецификой ситуации.

В теории Грациано, как утверждает автор, схема внимания сходна со схемой тела, включающей: проприоцепцию, прикосновения, визуальный образ, мышечно-двигательную обратную связь и знания о строении своего тела. Грациано приводит конкретные примеры практической полезности схемы тела, подкрепляя ее важность современной «теорией контроля движения и сознания» (Ibid., р. 66).

В схему внимания, согласно Грациано, вошли: направление взгляда, лицевая экспрессия, расположение выделяемых объектов, язык телодвижений, предварительное знание (Ibid., р. 64). Модель интегрирует множество

источников информации как в пространственной, так и в темпоральной динамике. Согласно мысленному примеру, приведенному автором, можно заключить, что модель имеет не только исследовательскую, но и социальную применимость. «Если вы наблюдаете за Сюзанной, то конструирование модели ее внимания требует информации о том, куда она смотрит, каковы выражение ее лица, ее телодвижения, речь, объекты окружения в данный момент и ваши предварительные знания о ней» (Ibid., p. 67). Автор усматривает серьезные перспективы в использовании этой модели, например, в робототехнических системах, в частности для управления механической рукой.

Если отойти от довольно узкой нейрокognитивной идентификации внимания в теории Грациано, обращаясь к психологической идентификации внимания, можно усмотреть отчетливую тенденцию сближения явления сознания с вниманием в работах В. Вундта, Э. Титченера, У. Джеймса и др. (Дормашев, Романов, 1995; Фаликман, 2006; и др.). К этому можно присовокупить, что в структурной схеме психических процессов, согласно В.А. Ганзену, внимание и память — наиболее приближенные к сознанию функции (Ганзен, 1984). Не исключает тесной связи сознания и внимания также современная когнитивная наука (Фаликман, 2006).

Грациано объясняет также сознание (мышление) высшего порядка (Genaro, 2012), которое контекстно относится ко второму, когнитивному типу сознания, принципиально отличному от феноменального (охватывает явления сенсорного, аффективного, тактильного сознаний и, как правило, обозначается термином «квалиа»). Понятие мышления высшего порядка (Higher-Order Thoughts), как и название теории сознания высшего порядка, достаточно часто встречается в англоязычных исследованиях по проблеме сознания. Такое обозначение ассоциируется с понятием высших психических функций, обоснованным Л.С. Выготским еще в 1930-е гг. Как известно, тема сознания была объявлена Выготским в качестве центральной для психологии, и в соответствии с этим тезисом им была разработана проблематика высших психических функций, непосредственно связанных с сознанием (Выготский, 2000). Ряд работ Выготского был переведен на английский язык.

В современной философской и научной литературе понятие феноменального сознания является новым центром проблематики сознания (Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; Bayne, 2012; Kriegel, 2011; и др.). Многие авторы считают проблему феноменального сознания неразрешимой с привлечением существующих подходов и теорий сознания. В связи с этим Грациано приводит рассуждение о конструируемой мозгом множественности данных, которые представлены в богатой картине внимания, направленного на объекты. Эти данные отображают пространственную и временную динамику внимания, отслеживают соответствующие действия и поведение. Богатство и сложность картины таковы, что в большинстве случаев она невербализуема, т.е. не ко всей информации, производимой мозгом, существует сознаваемый доступ, в особенности для феноменального сознания (имеется в виду доступ на речевом, вербальном языке). Грациано усматривает отличие между феноменальным сознанием (сенсорная, «сырая» информация об объекте) и когнитивным

сознанием (абстрактная информация) в возможностях репрезентации соответствующей информации в формах словесных отчетов. Если предположить, что репрезентация может осуществляться также в несловесных формах (образы, мускульные движения и т.д.), то предложенная автором теория схемы внимания, базовым содержанием которой является так или иначе закодированная информация, преодолевает разнокачественность феноменального и когнитивного сознания. В связи с таким решением трудной проблемы сознания заметим, что в отечественной психологии, например в работах В.П. Зинченко по проблеме сознания постструктурного периода, отчетливо представлено положение о различных языках сознания, помимо вербального (Зинченко, 1998). Хотя тема различных языков сознания не представлена как одна из главных в современных концепциях, однако подспудно она присутствует в проблематике сознания. В частности, она обозначена в работе М. Велманса в связи с исследованиями Б. Либета о предшествовании мозговых процессов волеизъявления сознательному принятию решения. Вельманс пишет, что независимо от того, происходит ли осознание человеком своего желания или явлений внешнего мира, ментальные и связанные с ними мозговые процессы подвергаются транзиту из предсознания в состояние осознания (Velmans, 2002, p. 19).

В англоязычной литературе термины «опыт» (*experience*), «внутренний опыт» (*inner experience*) используются в значении первичных форм сознания и осознания. Главный вопрос при этом: почему имеет место «внутренний опыт»? Действительно, если поддерживать распространенные в работах некоторых авторов выражения «мозг думает», «мозг принимает решение» и т.д., или в более «мягкой» форме — «мозг конструирует, создает модель, интегрирует информацию» и т.д., то вопрос о необходимости сознания действительно представляется важнейшим. Грациано рассматривает различные ответы начиная с эпифеноменализма и предлагает свое решение в русле теории схемы внимания. Исходное предположение заключается в том, что индивидуальное сознание и способность к фиксации (у автора — атрибуции) сознания других людей, т.е. социальное сознание, есть продукты одного и того же мозгового механизма, гипотетически связанного с социальной перцепцией. Этот механизм производит посредством схемы внимания свойства сознания и атрибутирует их конкретному человеку, т.е. как другим людям, так и себе. Автор находит определенную опору своим предположениям и заключениям в соответствующих нейронаучных исследованиях, а также в примерах анализа зрительных и социальных иллюзий. Отстаиваемая автором теория привлекается также для объяснения феноменов восприятия двойственных изображений и диссоциативных расстройств личности. В связи с этим и опираясь на ряд нейрофизиологических и нейрокогнитивных исследований, Грациано формулирует основные положения «социальных теорий сознания» (Graziano, 2015, p. 124):

- 1) мозг активно конструирует детальное описание (модель, нарратив) происходящих в нем процессов;

2) самовоспроизводимая информация часто неверна (иллюзии, заблуждения и т.д.), так как система, продуцирующая ее, имеет ограниченные возможности и основывается на ограниченных ориентировках;

3) механизм, осуществляющий самоописание, тот же, что и создающий описание (объяснение) других людей. Мы понимаем себя и других людей частично посредством одинаковых значений, вместе с тем это два разных типа сознания.

К сожалению, выделенная Грациано триада не охватывает ряда важных положений, представленных в социальных теориях сознания (см., например: Whitehead, 2008). В книге Грациано социальные теории сознания определяются подходом, основанным на представлении о сознании как продукте социальной способности, при этом не определяется сущность этой способности, ее генезис и эволюционные механизмы (см., в частности, работы Т. Мацузава, М. Томаселло и др.). Констатируется, что сознание возникает, когда информация в мозгу становится в высокой степени внутренне связанной, а также что идея социального устройства сознания сопряжена с мышлением высокого уровня, с рефлексивным мышлением без учета социокультурных факторов развития такого мышления у человека. Автор считает, что гипотетически сформулированные им положения не объясняют полностью феномен человеческого сознания, тем не менее они полезны для понимания некоторых аспектов самосознания, оставляя в стороне другие аспекты.

Можно согласиться с автором, что представленная в книге теория сознания, основанная на пятикомпонентной схеме внимания, может рассматриваться как разновидность социальных теорий сознания. В качестве аргумента можно рассматривать социально-перцептивный характер двух из пяти компонентов схемы внимания (Graziano, 2015, p. 31). Вместе с тем автор последовательно придерживается позиции, что «мозг конструирует описание или модель сознания и атрибутирует ее другим людям; этот же механизм атрибутирует сознание также самому себе» (Ibid., p. 124). Таким образом, субстанцируя социальность посредством отнесения ее к функции мозга, Грациано, по-видимому, преследует цель решения «трудной проблемы» сознания.

Обращаясь далее к вопросам нарушения сознания при аутизме и других синдромах, Грациано ссылается на «слишком общий характер социальных теорий сознания» (Ibid., p. 128), не способных объяснить те или иные нарушения.

Также открытым автор считает вопрос о первичности социального сознания либо самосознания. Благодаря социальному сознанию, человек понимает психические состояния других людей. По логике автора, человек, однажды обретя этот механизм, «обернул» его на себя и таким образом обрел самопонимание. Некоторые исследователи утверждают обратный порядок: от самопонимания своих эмоциональных состояний, мыслей и чувственных впечатлений как эмпатийной основы — к пониманию этих состояний у других людей. Как можно предположить из этих рассуждений, Грациано принимает равновероятными обе возможности, однако, рассматривая этот вопрос в эволюционном плане на примере приматов, склоняется к первичности социального сознания (Ibid., p. 132–134).

Продолжая верификацию своей теории, Грациано находит объяснение также явлениям бинокулярной конкуренции; ложной слепоты (*blindsight*) (*Ibid.*, p. 152–154); «синдрома игнорирования», связанного с нарушением восприятия части пространства, обусловленным повреждением одного из полушарий мозга (*Ibid.*, p. 167–176). В этом же ряду с привлечением теории схемы внимания объясняются явления биографической памяти, «внетелесного опыта сознания», социально-перцептивных способностей человека. При этом автор привлекает обширный материал нейронаучных исследований, в том числе полученный в его лаборатории (*Ibid.*, p. 179–196).

Особое внимание Грациано уделяет вопросам иррационального поведения животных и человека, религиозного сознания, а также весьма популярной в англоязычных исследованиях темы свободы воли. В связи с этим автор вновь возвращается к гипотезам эпифеноменальности и постфактумности сознания (*Ibid.*, p. 197–201), демонстрируя преимущества своей теории, в соответствии с которой мозговые процессы формируют не только информационную (дискриптивную) модель, но и модель контроля поведения (*Ibid.*, p. 201–202). Признавая важность и пользу социальности, Грациано понимает ее исключительно в социоперцептивном плане, вынося за скобки иные важные аспекты социальной жизни человека, так или иначе адаптирующие содержание и характер мозговых процессов, что достаточно отчетливо представлено в упоминавшейся коллективной монографии под редакцией Чарлза Уайтхеда. Согласно результатам исследований А.Р. Лурии, невозможно абсолютизировать линейную, однонаправленную детерминацию в последовательности «мозг — сознание — социальное поведение» человека. В этом смысле тезис Грациано о том, что «социальная нейронаука» изучает мозговые системы, которые помогают воспринимать и понимать ментальные процессы и состояния других людей, представляется весьма узким относительно сознания человека. Такая узость и односторонность в определении предмета социальной нейронауки, несомненно, связана с первоначальными открытиями в этой области, полученными на таких социальных животных, как обезьяны, и только отчасти нейрофизиологически подтвержденными для человека (*Ibid.*, p. 159–162). Вместе с тем социально-перцептивные и социально-интеллектуальные способности некоторых животных (модель психического) уже не вызывают сомнений.

Завершая книгу, автор обращается к современности и отмечает явление гиперсоциальности в связи с развитием современных инфотехнологий и Интернета, обсуждает неизменно возникающие вопросы о возможностях «компьютерного сознания», «сознания после смерти», бессмертия сознания, а также роли веры (религии), духовности, мифологии в социальном «сцеплении» (*cohesion*) современного общества.

Доверяя авторскому убеждению в универсализме предложенной им теории, можно ли сказать в очередной раз, что сознание объяснено (Dennet, 1991)? В зарубежной и отечественной науке существует довольно много различных объяснений сознания. Сам термин «объяснение» явно или имплицитно понимается в науке по-разному (Мазиллов, Костригин, 2020). Что касается

научных объяснений сознания, то очень часто в отношении этой проблемы встречаются такие определения, как загадка, тайна, парадокс, очарование, мистерия и др. Грациано в названии одной из глав книги одновременно использует термины «магия» и «обман» («Magic Trick»). Он не претендует на абсолютную истинность, с осторожностью и часто предположительно формулирует свои заключения. Установка объективизма как атрибута научности является основным трендом в англоязычных исследованиях сознания не только в нейрофизиологических, нейрокогнитивных, но и в нейропсихологических, нейросоциальных аспектах. Метафорический дискурс о чувствующем, размышляющем, переживающем, принимающем решения мозге превращает мозг в субъекта, подменяющего человека либо оставляющего ему только возможность отражать работу мозга эпифеноменально или постфактумно, считывая соответствующую истинную или ложную информацию, любезно предоставляемую и/или искажаемую мозгом. Решается ли при этом проблема нейронных коррелятов сознания? Вопрос открыт в связи с неясностью мозговых механизмов «вычислений» (computation), а также «доступа», отображения, считывания и т.д. В связи с этим резонно поставить вопрос: не открывают ли современные теории сознания вкупе с технологизацией, цифровизацией, роботизацией всех сфер жизнедеятельности человека новый ящик Пандоры?

Анализ материалов ежегодных конференций Ассоциации научных исследований сознания (Association for the Scientific Study of Consciousness) с 1996 г. позволяет выявить определенные тенденции в постановках и соответствующих решениях проблемы сознания. Это, в частности, всевозрастающий удельный вес нейрокогнитивных исследований в сравнении с социокогнитивными и социокультурными; все более масштабные исследования факторов мозговой активности в объяснении ментальных явлений в сравнении с био- и социоэволюционными; приписывание мозгу таких субъектных свойств, как принятие решений и поведенческое прогнозирование; укрепление статуса монопарадигмальных теорий сознания, основанных на какой-либо одной категории: память, внимание, информация, коммуникация, мышление, семантика (смысл), «квалиа» и др. В качестве другого набирающего популярность тренда можно рассматривать расширение междисциплинарного пространства исследований сознания с привлечением таких сфер науки, как квантовая механика, фармакология и др. Можно надеяться, что в перспективе этот перечень более основательно расширят социальные науки.

Литература

- Акопов, Г. В. (2010). *Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований*. М.: Институт психологии РАН.
- Акопов, Г. В. (2016). Типология проблем в новом познании сознания. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 2(86), 178–191.
- Акопов, Г. В. (2019). *Категория сознания в современной психологии*. Самара: ООО «Порто-принт».

- Акопов, Г. В. (2021). Интеграция подходов к постановке и решению проблемы сознания: проект Чарльза Вайтхеда. В кн. В. А. Мазиллов (ред.), *Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. 4 мая 2021 г.* (с. 46–54). Ярославль: РИО ЯГПУ.
- Аллахвердов, В. М. (2000). *Сознание как парадокс*. СПб.: Изд-во ДНК.
- Выготский, Л. С. (2000). История развития высших психических функций. В кн. Л. С. Выготский, *Психология* (с. 512–755). М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс.
- Ганзен, В. А. (1984). *Системные описания в психологии*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Дормашев, Ю. Б., Романов, В. Я. (1995). *Психология внимания*. М.: Тривола.
- Дубровский, Д. И. (2015). *Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Зинченко, В. П. (1998). *Живое знание*. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета.
- Карпов, А. В. (2011). *Психология сознания: метасистемный подход*. М.: ИД РАО.
- Мазиллов, В. А., Костригин, А. А. (2020). Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(3), 390–413.
- Мюллер, В. К., и др. (1995). *Новый англо-русский словарь* (2-е изд., стереотип.). М.: Русский язык.
- Панов, В. И. (2014). Парадигмальный анализ проблемы сознания. В кн. В. И. Панов, *Экопсихология: Парадигмальный поиск* (с. 152–178). М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-история.
- Петренко, В. Ф. (2010). *Многомерное сознание: психосемантическая парадигма*. М.: Новый хронограф.
- Петровский, В. А. (2018). Психофизическая проблема: «Кто» видит мир? (эскиз концепции взаимоотношения). *Методология и история психологии*, 1, 58–83.
- Ревонсуо, А. (2013). *Психология сознания*. СПб.: Питер.
- Фаликман, М. В. (2006). *Общая психология: Т. 4. Внимание*. М.: Издательский центр «Академия».
- Чалмерс, Д. (2013). *Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории*. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Akopov, G. V. (2010). *Psikhologiya soznaniya: Voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovaniy* [The psychology of consciousness: Issues of methodology, theory and applied studies]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Akopov, G. V. (2016). Problems typology in the new cognition of consciousness. *Mir Psikhologii*, 2(86), 178–191. (in Russian)
- Akopov, G. V. (2019). *Kategoriya soznaniya v sovremennoi psikhologii* [The category of consciousness in contemporary psychology]. Samara: ООО “Porto-print”.
- Akopov, G. V. (2021). Integratsiya podkhodov k postanovke i resheniyu problemy soznaniya: proekt Charlza Vaitkheda [Integration of approaches to the statement and solution of the problem of consciousness: a project by Charles Whitehead]. In V. A. Mazilov (Ed.), *Integratsiya v psikhologii: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik statei IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*.

- 4 maya 2021 g. [Integration in psychology: theory, methodology, practice: proceedings of the IV All-Russian research-to-practice conference. May, 4, 2021] (pp. 46–54). Yaroslavl': RIO YaGPU.
- Allakhverdov, V. M. (2000). *Soznanie kak paradoks* [Consciousness as a paradox]. Saint Petersburg: DNK.
- Bayne, T. (2012). *The unity of consciousness*. Oxford University Press.
- Chalmers, D. (2013). *Soznayushchii um: V poiskakh fundamental'noi teorii* [The conscious mind: In search of a fundamental theory]. Moscow: URSS; Knizhnyi dom "LIBROKOM". (Original work published 1996)
- Dennett, D. C. (1991). *Consciousness explained*. Boston, MA: Little, Brown.
- Dienes, Z., & Perner, J. (2009). Representationalism, problems. In T. Baynet, A. Cleeremans, & P. Wilken (Eds.), *The Oxford companion to consciousness* (pp. 567–571). Oxford University Press.
- Dormashev, Yu. B., & Romanov, V. Ya. (1995). *Psikhologiya vnimaniya* [The psychology of attention]. Moscow: Trivola.
- Dubrovskii, D. I. (2015). *Problema "soznanie i mozg": Teoreticheskoe reshenie* [The problem of consciousness and brain: A theoretical solution]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
- Falikman, M. V. (2006). *Obshchaya psikhologiya: Vol. 4. Vnimanie* [General psychology: Vol. 4. Attention]. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
- Genzen, V. A. (1984). *Sistemnye opisaniya v psikhologii* [Systemic descriptions in psychology]. Leningrad: LGU.
- Genaro, R. J. (2012). *The consciousness paradox: Consciousness, concepts and higher-order thoughts*. Cambridge, MA; London, England: The MIT Press; A Bradford Book.
- Graziano, M. S. A. (2015). *Consciousness and the social brain*. Oxford University Press.
- Hellie, B. (2009). Representationalism. In T. Baynet, A. Cleeremans, & P. Wilken (Eds.), *The Oxford companion to consciousness* (pp. 563–567). Oxford University Press.
- Honderich, T. (2014). *Actual consciousness*. Oxford University Press.
- Karpov, A. V. (2011). *Psikhologiya soznaniya: metasisistemnyi podkhod* [The psychology of consciousness: A meta-systemic approach]. Moscow: RAO.
- Kriegel, U. (2011). *Subjective consciousness: a self-representational theory*. Oxford University Press.
- Mazilov, V. A., & Kostrigin, A. A. (2020). The problem of scientific explanation in modern foreign psychology. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(3), 390–413. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-390-413> (in Russian)
- Mindt, G. (2019). Editorial introduction. Integrated information theory. *Journal of Consciousness Studies*, 26(1–2), 7–10.
- Myuller, V. K., et al. (1995). *Novyi anglo-russkii slovar'* [New English-Russian Dictionary] (2nd ed.). Moscow: Russkii yazyk.
- Panov, V. I. (2014). Paradigmal'nyi analiz problemy soznaniya [A paradigm analysis of the problem of consciousness]. In V. I. Panov, *Ekopsikhologiya: Paradigmal'nyi poisk* [Ecopsychology: A search of a paradigm] (pp. 152–178). Moscow; Saint Petersburg: Psikhologicheskii institut RAO; Nestor-istoriya.
- Petrenko, V. F. (2010). *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: A psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyi khronograf.
- Petrovsky, V. A. (2018). A psychophysical problem: "Who" sees the world? (A sketch of the concept of intermediation). *Metodologiya i Istoriya Psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 1, 58–83. <https://doi.org/10.7868/S1819265318010053> (in Russian)
- Revonsuo, A. (2013). *Psikhologiya soznaniya* [The psychology of consciousness]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 2010)

- Tononi, G. (2007). The information integration theory of consciousness. In M. Velmans & S. Schneider (Eds.), *The Blackwell companion to consciousness* (pp. 287–299). Oxford: Blackwell.
- Velmans, M. (2002). How could consciousness experiences affect brains? *Journal of Consciousness Studies*, 9(11), 3–29.
- Vygotsky, L. S. (2000). Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of development of the higher psychic functions]. In L. S. Vygotsky, *Psikhologiya* [Psychology] (pp. 512–755). Moscow: EKSMO-Press.
- Whitehead, Ch. (Ed.). (2008). *The origins of consciousness in the social world*. Exeter, England: Imprint Academic.
- Zinchenko, V. P. (1998). *Zhivoe znanie* [Living knowledge]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.